

Ассигнационный банк в 1786—1818 годах: этапы преобразований

Александр БУГРОВ

Главный эксперт
Департамента внешних
и общественных связей
Банка России,
кандидат
исторических наук

Несмотря на значительную роль Ассигнационного банка в финансовой жизни России, по его истории нет специальных исследований. В лучшем случае она освещается в отдельных статьях или разделах общих работ по истории банков.

Такое положение несправедливо: в эпоху Екатерины II Ассигнационный банк задумывался как банк “универсального” типа — наподобие монопольных эмиссионных банков Европы, поэтому его история выходит сугубо за рамки российского прошлого, обретая европейский контекст. Впервые тезис “реформа” применительно к преобразованиям в Ассигнационном банке 1785 — 1786 гг. высказал В.В. Морозан [1. С. 44—45]. Впрочем, произошедшие в банке изменения были отражены еще М.М. Сперанским, считавшим, что после преобразований банк утратил функции “большой разменной кассы” и “принял свойство банка коммерческого” [2. С. 533].

Что же это были за преобразования, какие обстоятельства им сопутствовали и какие последствия они имели? До сих пор в литературе нет исчерпывающего ответа на эти вопросы. На основании малоизвестных архивных материалов Российского государственного архива древних актов и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки¹ (некоторые из них впервые введены в научный оборот) проанализируем их ход и значение.

К 1785 г. ассигнационные банки (в Петербурге и Москве) окончательно сложились как учреждения, приносившие государству доход через бумажную де-

нежную эмиссию. Другими словами, в том числе и за счет этих банков покрывались возросшие затраты казны. По словам их главного директора графа А.П. Шувалова, они “в течение преславной войны с турками... обращены были... к знатному подкреплению финансов” [3. С. 537]. Так, из 125 млн. руб. дохода в 1768 — 1771 гг. доход от ассигнаций составил 10,7 млн. руб. (почти 11% от суммы собираемых в стране податей и налогов). Показательно, что внешние займы, поступления от которых составляли в это время 3,6 млн. руб. (около 3% всего дохода) [4. С. 272], по отношению к ассигнациям оставались дополнительным, но не основным ресурсом.

Несмотря на декларируемое указами равенство между монетой и бумажными рублями и использование новых выпусков ассигнаций исключительно для обмена ветхих, государство постепенно отходило от изначального паритета, допуская выпуск “излишних” ассигнаций. Если в 1769 г. “лимит” всех бумажных денег определялся суммой в 1 млн. руб., то в 1774 г. он составил уже 20 млн. руб. Начиная с 1781 г. эмиссия увеличилась, и за пять лет их было выпущено на 21,6 млн. руб. при общей сумме обращавшихся в 1786 г. ассигнаций 46,2 млн. руб. [5. С. 260].

В середине 80-х гг. XVII в. шло активное заселение Новороссии, требовавшее больших материальных вложений. В 1785 г. Россия аннексировала Крым, который по условиям Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.) должен был оставаться независимым государством. Фактически это означало разрыв дипломатических отношений с Османской империей и начало новой русско-турецкой войны. В данных условиях возникала та же проблема, что и в конце 60-х гг. XVII в., — стране не хватало денег для покрытия военных расходов. Амбиции молодой империи превосходили ее финансовые ресурсы, что вынуждало ее делать внешние заимствования и прибегать к разным ухищрениям в области денежного обращения. В отличие от 1768 г., когда план создания ассигнационных банков был выработан спешно, в условиях начала войны, на этот раз “финансовый” вопрос прорабатывался заранее.

Не позднее конца марта — начала апреля 1786 г. А.П. Шувалов представил Екатерине II проект преобразования Ассигнационного банка. Хотя его текст, видимо, не сохранился, основные идеи документа видны по “отзыву” на проект генерал-прокурора А.А. Вяземского и дальнейшим указам по банку. Так,

¹ Прежде всего это фонд 19 (Госархив) Российского государственного архива древних актов и фонд 484 (Собрание материалов по истории финансов в России) отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Они были сформированы главным образом из личных архивов высокопоставленных чиновников и содержат уникальные документы по истории казенных банков.

10 апреля 1786 г. Екатерина собрала Совет для обсуждения плана А.П. Шувалова, состоявший из влиятельных вельмож: Р.И. Воронцова, А.А. Безбородко и П.В. Завадовского². Они должны были “вступить в подробное сего дела рассмотрение, составить по содержанию означенной записки надлежащие планы и проекты, и оные нам представить” [6. Л. 163—163 об.].

В это же время генерал-прокурор князь А.А. Вяземский работал над проблемой изыскания средств для покрытия возросших расходов казны и считал возможным собрать недостающую сумму (5,28 млн. руб.) повышением налогов. Не исключено, что для А.А. Вяземского “план Шувалова” стал неожиданностью, так как ранее все важные бумаги по банку он подавал именно через него. На этот раз главный директор банка нарушил субординацию, заручившись поддержкой П.В. Завадовского. По-видимому, на заседании 10 апреля 1786 г. императрица попросила А.А. Вяземского составить “мнение” по проекту преобразований в Ассигнационном банке, который сохранился в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [7. Л. 4—17].

Судя по документу, основные идеи реформы сводились к следующему. Ассигнационный банк увеличил эмиссию бумажных денег более чем на 50 млн. руб. и доводил их количество до 100 млн. руб. Из этой суммы треть направлялась на кредитование дворянства (17,5 млн. руб.) и городов (11 млн. руб.), которые по изданным в 1785 г. “жалованным грамотам” получали различные привилегии. Кроме того, 15 млн. руб. ассигнаций нового выпуска откладывались в резерв “для внезапной войны”.

Данные положения вызвали резкую критику А.А. Вяземского, который считал, что эмиссия ассигнаций без увеличения металлического покрытия приведет к инфляции и вызовет “недоверие” к бумажным деньгам. Генерал-прокурор недоумевал, откуда взялась “пресловутая” сумма в 100 млн. руб. [7. Л. 8 об]. Он выступил против выделения 17,5 млн. руб. “через Дворянский банк на заклад деревень сроком на 20 лет” [7. Л. 9 об]. Эта мера, по его мнению, еще больше обременит дворян, которые поступят обычным для них способом — переложат долги на крестьян, увеличив оброки. По подсчетам А.А. Вяземского, с 1754 г. по 1775 г. долг помещиков дворянским банкам вырос в 5 раз (с 1,59 до 8,43 млн. руб.), причем в основном эти деньги были потрачены на роскошь [7. Л. 11—12]. Также генерал-прокурор предостерегал против “щедрого” кредитования городов и предлагал вспомнить печальный опыт Коммерческого банка [7. Л. 15]. Для решения вопроса А.А. Вяземский предложил “необременительно” повысить налоги, чтобы покрыть образовавшийся бюджетный дефицит.

Составление своего доклада, направленного против проекта реформы банка, князь завершил в конце мая 1786 г. (29 мая подал его императрице). Однако идеи А.А. Вяземского не нашли поддержки Екатерины II. Ей импонировал взгляд А.П. Шувалова — главным образом в силу того, что он не предусматривал повышения налогов и основывался на “проверенном” евро-

пейском опыте. Память о “язве”, как тогда говорили в Петербурге — крестьянской войне 1773—1775 гг., еще была жива. В то же время царица придерживалась идей просвещенного абсолютизма и гуманного отношения к подданным.

А.П. Шувалов считал, что увеличение эмиссии, как и в Европе, будет способствовать насыщению денежного рынка и развитию торговли. На примере ведущих европейских стран — Голландии, Франции и Англии он убеждал членов Совета в том, что “новые” бумажные деньги не вызовут роста цен. По его словам, в Англии “выпускаемо каждый год от 60 до 100 млн. руб. бумагами в народе, и притом налагаемы были подати для платежа процентов; но все сие никакой дороговизны не произвело” [3. С. 548]. А главное, по подсчетам, его план должен был принести правительству 18,3 млн. руб. прибыли.

На заседании Совета 15 июня 1786 г. победа графа над князем была решена. Члены Совета поддержали мнение главного директора Ассигнационных банков. “Шуваловский проект” получил одобрение императрицы. Результатом стал известный Манифест от 28 июня 1786 г. и устав Ассигнационного банка. Екатерина II писала: “Граф Андрей Петрович! Прочитав заготовленный проект устава Ассигнационному банку, позволяем оный привести в исполнение и сообразно тому в управлении дел банковых поступать” [8. Л. 1].

Новый устав императрица утвердила 23 декабря 1786 г. Он представлял собой “памятник” грандиозным планам А.П. Шувалова по реформированию банка. Показательно, что главный документ его деятельности был оформлен “уставом” — на европейский манер, а не указом, как прежде практиковалось в России. Согласно данному уставу, Петербургский и Московский Ассигнационные банки были преобразованы в единый Государственный Ассигнационный банк с наделением его большими правами³. По манифесту от 28 июня 1786 г. он мог эмитировать ассигнации на сумму до 100 млн. руб., но с учетом уже обращающихся бумажных денег. Из этой суммы 22 млн. руб. было определено на раздачу дворянам в 20-летние ссуды, а 11 млн. руб. — на нужды городов. Отличие нового Ассигнационного банка заключалось в том, что помимо эмиссии бумажных денег он мог осуществлять и другие операции: учитывать векселя из 0,5% в месяц, заниматься куплей-продажей меди (в том числе и продавать ее за границу), а также покупкой золота и серебра [9. С. 624], чеканить на монетном дворе в Петербурге золотую и серебряную монеты [5. С. 264].

В банк вошли две экспедиции: “для приема и ревизии ассигнаций” и “по горным банковым заводам”. Последняя в конце XVIII в. состояла из трех контор по управлению заводами в Верхотурье. Ими были два медеплавильных — Богословский и Петропавловский (купленные у заводчиков братьев Н. и Г. Походяших в 1791 г. с рассрочкой платежа на 10 лет) [7. Л. 320] и один железодельный (Николаевский).

“Начальным местом” оставалось правление в Петербурге, состав которого был расширен. Оно состояло

² 6 мая 1786 г. в его состав был включен и генерал-майор А.П. Ермолов, фаворит императрицы Екатерины II в 1785—1786 гг.

³ Идея о соединении всех государственных банков под одно правление высказывалась членом Совета Н.И. Паниным еще в 1770 г. (См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 418. Л. 1 об. 2.)

из 10 человек — главного директора и девяти его советников. Каждый из советников отвечал за определенную операцию: по подряду и закупке меди, по деятельности Учетной (Экстной) конторы и другим. Один из советников был по должности выше остальных и являлся заместителем главного директора, отвечая за “исправность и скорое исполнение в делах правления”. Ему поручалось заведование операциями банка за границей [9. С. 740—743]. Правлению подчинялись отделение в Москве (преобразовано из Московского Ассигнационного банка) и променные конторы в провинции.

По новому уставу, к деятельности Ассигнационного банка допускались купцы. Так, в Ассигнационный банк в Петербурге назначалось 5 директоров от правительства и 3 — от купечества, а в его “отделение” в Москве — 4 директора от правительства и 2 — от купечества [9. С. 743]. Вероятно, это было связано с решимостью учредить при банке контору по учету векселей, для чего требовались консультанты от купечества. Впервые, однако, они зафиксированы в списках по Московскому отделению лишь с 1794 г. Ими стали выбранные из купечества первой гильдии купцы С.В. Бабушкин и А.И. Лукутин, но они, несмотря на относительно высокое положение, не обладали полномочиями в отличие от “чиновных” директоров, оставаясь советниками.

Остальные директора Ассигнационного банка и его Московского отделения “имели дежурство” над производимыми операциями. Вместе с советником правления и кассиром директора банка подписывали ассигнации (с 1786 г.) [8. Л. 2—35].

Предоставление эмиссионной операции и право вести учет векселей — все это выделяло Ассигнационный банк над другими государственными банками царствования Екатерины II. По сути, этот банк становился “универсальным” банком — наподобие европейских эмиссионных банков.

В Российском государственном архиве древних актов сохранились записи на иностранных языках об устройстве банков в европейских странах [10], которые доставлялись послами и торговыми агентами. Они были составлены в конце XVIII в. — начале XIX в. и, несомненно, продолжали традицию сбора информации по крупнейшим европейским банкам. Судя по сохранившимся записям, видных российских чиновников интересовали монопольные эмиссионные банки в Амстердаме, Копенгагене, Вене и, конечно, Банк Англии, один из наиболее крупных и известных кредитных институтов того времени. И хотя между ним и Ассигнационным банком были глубокие отличия (например, Банк Англии являлся акционерным, а Ассигнационный — государственным), его опыт, несомненно, учитывался при разработке реформы Ассигнационного банка.

По-видимому, А.П. Шувалов считал возможным реформировать Ассигнационный банк по типу Банка Англии. Как и в последнем, в Ассигнационном банке должны были сочетаться деятельность в области денежного обращения, предоставление займов казне и активная кредитная политика по отношению к крупному купечеству.

Применение английского опыта имело свое объяснение. В конце XVIII в. французскую “ориентацию” при дворе сменила мода на Англию, включая англий-

ский архитектурный стиль (“палладианство” Чарльза Камерона), пейзажные парки и даже образ жизни лордов Туманного Альбиона. И это не случайно, учитывая то, что Российская империя времен Екатерины II имела большие амбиции на роль в большой политике и становилась реальным соперником Британии. Как бы в России ни изучался опыт Амстердамского и Копенгагенского банков, он вряд ли мог иметь большое практическое значение. Ни Голландия, ни Дания по размерам территории и ресурсам не были сопоставимы с двумя мировыми империями: к исходу второй трети XVIII в. границы России простирались от Балтики до Тихого океана, а Англия к этому времени закрепились в Северной Америке, Индии, Гибралтаре и других землях. При этом Банк Англии являлся одним из основных источников финансирования политики колониальных захватов [11]. Одновременно и Ассигнационный банк с момента своего учреждения покрывал военные расходы правительства.

Для А.П. Шувалова “мода на Англию” имела и личный аспект. Известно, что в 1786 г. он вторично вступил в масонство — в Ложу Молчаливости, работавшую в Петербурге по английской системе [12. С. 967]. Впрочем, и первый его приход к “вольным каменщикам” (в 1771 г.) стал знакомством с “аглицкой ложей”, как Н.И. Новиков называл Ложу Совершенного союза в Петербурге [12. С. 971]. Показательно, что ту же ложу посещал и граф Я.Е. Сиверс, которого считают автором проекта введения ассигнаций.

Интересно, что выпущенные в 1786—1787 гг. номиналы ассигнаций напоминали английские фунты: в них также был “зачернен” номинал и господствовало простое лаконичное решение. Особенно это касалось мелких номиналов в 5 и 10 руб., идея выпуска которых обсуждалась еще в 1772 г. [13. С. 526—530]. Тогда ее “оставили”, а для эффективного размена денег было решено создать променные конторы. Но к 1786 г. стало ясно, что они не оправдали ожиданий, и к необходимости выпуска мелких купюр вернулись вновь. В своем докладе (от 15 июня 1786 г.) А.П. Шувалов сетовал, что “в нынешней же монете между 5 копеек и 25 рублей нет посредствующей — к отвращению таковой трудности весьма нужно иметь мелкие ассигнации” [13. С. 553—554]. Они предназначались для хождения в широких слоях населения. Это шло вразрез с прежними сословными рамками: считалось, что бумажные деньги должны обращаться только среди дворян и купечества, “не доходя” до крестьян.

Первоначально пяти- и десятирублевые ассигнации планировалось выпускать в пропорции 10% от суммы новых эмиссий. В 1787 г. они уже находились в обращении, и указом от 20 декабря этого же года их допечатали еще на 10 млн. руб. (с уничтожением на такую же сумму сторублевых ассигнаций) [13. С. 553—554, 562]. По предложению А.П. Шувалова, в отличие от купюр крупных номиналов (печатавшихся на белой бумаге) пятирублевые прокатывались на синей бумаге, а десятирублевые — на красной. Отныне данные цвета стали олицетворять бумажные деньги указанных достоинств. Еще в конце XX в. пятирублевые российские банкноты имели синий фон, а десятирублевые — красный.

В 1786 г. был воплощен один из проектов, разработанный Правлением Ассигнационного банка и поданный императрице за десять лет до его реформирова-

ния. Он заключался в придании ассигнациям дополнительной защиты от “приписываний” через разные размеры бумаги для каждого номинала [14].

Новые ассигнации (достоинством в 100, 50, 25, 10 и 5 руб.) печатались на бумаге улучшенного качества, так называемой “полушелковой”. Ее начали изготавливать не на частном предприятии (прежде — на фабрике Сиверса), а на казенной Царскосельской бумажной мельнице. Срок обмена ассигнаций старого образца на новый, который начался в банке и его променных конторах 1 сентября 1786 г., длился не менее полугода [15]. Ветхие ассигнации старого образца публично сжигались во дворе Ассигнационного банка [6. Л. 175 об.].

Насколько позволяют судить документы, уже в феврале — марте 1786 г. было отпечатано 50 млн. “бумажных” рублей, и указом от 16 марта того же года они были переданы в распоряжение А.П. Шувалова [6. Л. 155]. Это случилось на три месяца раньше публикации известного манифеста от 28 июня 1786 г., что говорит о формальном, чисто совещательном характере Совета. Видимо, собственная позиция Екатерины II по вопросу об эмиссии ассигнаций к этому времени была уже определена.

Для их размена усиленно чеканились медная и серебряная монеты, ежегодный отпуск которых в банк в конце 1780-х гг. составлял по 150 тыс. руб. [6. Л. 172 об.]. Ассигнационный банк стал самостоятельно закупать медь у заводчиков за сходную цену [6. Л. 173 об., 175 об.]. Однако его попытка “уравновесить” медную монету серебряной не увенчалась успехом — в связи с подорожанием меди население берегло даже медные пятаки, не говоря уже о серебре.

По иронии судьбы из всех грандиозных шуваловских преобразований было воплощено лишь положение об увеличении бумажной эмиссии. Применение новым деньгам нашлось быстро: их потратили на строительство дороги между Петербургом и Москвой, освоение Новороссии и Крыма, сооружение Вытегорского канала, “нужного для торговли российской” и Черноморского флота [6. Л. 175]. Наконец, огромные средства поглощала русско-турецкая война 1787 — 1791 гг. Полученных средств не хватало, и вопреки первоначальному плану императрицы “подлые сословия” были обложены новыми податями [6. Л. 294].

Последствия необеспеченных эмиссий были печальными: преобразованный Ассигнационный банк стал банком инфляционных бумажных денег. С этого времени эмиссия ассигнаций в России велась без соответствующего увеличения металлического покрытия. Если до 1786 г. биржевой курс ассигнаций был ниже их нарицательной стоимости на 1—3 копейки, а ассигнации свободно разменивались на монету, то во второй половине 1780-х гг. ситуация изменилась в сторону резкого понижения курса бумажных денег. К 1775 г. сумма выпущенных ассигнаций достигла 20 млн. руб., к 1787 г. — в обороте их уже имелось на 46 млн. руб., а к 1795 г. — на 145,5 млн. руб. Курс ассигнационного рубля на Петербургской бирже в последний год правления Екатерины II (1796 г.) в среднем составлял 60,5 “серебряных” копеек [16].

В последние годы правления Екатерина II уже не проводила новых реформ — страна “устала” от них, и до них просто “не доходили руки”. Бесконечные военные кампании (русско-турецкая война 1787—1791 гг.,

русско-шведская война 1788—1790 гг., разделы Польши 1793 г. и 1795 г.) оттягивали значительные денежные средства на покрытие военных расходов. Но главное обстоятельство, затормозившее ход реформы, заключалось в борьбе фаворитов, которая имела для А.П. Шувалова роковые последствия. Понятно, что судьба преобразований во многом зависела от него.

В 1786 г. императрица сохранила прежний порядок взаимоотношений в финансовой сфере: главным директором Ассигнационного банка оставался А.П. Шувалов, но общее заведование над казенными банками было за А.А. Вяземским. Обиженный генерал-прокурор напоминал о себе главному директору Ассигнационного банка. В это время усилились репрессии на масонов, что не могло не отразиться на членстве А.П. Шувалова в известной петербургской ложе (он покинул ее в 1787 г.).

В соперничестве за банки ярко вырисовались претензии и другого конкурента — П.В. Завадовского, прежнего союзника главного директора Ассигнационных банков, развившего энергичную деятельность по объединению Заемного и Ассигнационного банков под свое единое управление. Екатерина II первоначально считала полезным объединить эти банки, однако, видимо, столкнувшись с протестом А.П. Шувалова и не стала торопить события. Последний ни за что не хотел складывать свои полномочия, поэтому формального объединения двух банков не состоялось. Уже 27 марта 1788 г. статс-секретарь императрицы А.В. Храповицкий записал в дневнике: “Не хотят соединить с Заемным банком Ассигнационный под одно начальство Завадовского: надобен особый человек” [17. С. 54].

Преобразования в Ассигнационном банке хотел возглавить сам А.П. Шувалов, однако интриги подточили его здоровье, а обострившаяся болезнь (психическое расстройство) [17. С. 51, 54, 61] и скорая смерть 24 апреля 1789 г. не позволили осуществить грандиозные планы.

Главная дирекция Ассигнационного банка 4 мая 1789 г. была возглавлена А.А. Вяземским, считавшимся сторонником “умеренных” эмиссий. Шуваловские преобразования ему не импонировали, и, соответственно, он не прилагал никаких усилий к их осуществлению. Но спустя три года (в 1792 г.) и его сломила болезнь — А.А. Вяземский был прикован к постели и практически не мог работать, императрица приняла его отставку 17 сентября 1792 г. [17. С. 275]. Он умер 8 января 1793 г., а 6 ноября 1796 г. умерла и сама императрица, с ней окончилась прежняя, “екатерининская”, и началась новая, “павловская”, эпоха.

К этому периоду реформа Ассигнационного банка остановилась. Большинство ее положений: о создании банковского монетного двора, Экстной и Страховой контор будут реализованы только в новое царствование. Так, в короткий период правления Павла I были реанимированы грандиозные планы реформирования Ассигнационного банка. Стараниями просвещенного генерал-прокурора А.Б. Куракина были созданы банковский монетный двор, учетная контора в Петербурге; в северной столице заработала и страховая контора, которая предполагалась еще в уставе банка 1786 г.

Одной из главных забот финансовой политики нового императора стало упорядочение денежного обращения и постепенное повышение курса ассигнаций для оживления отечественной торговли. С этой целью

велась интенсивная чеканка полновесной золотой и серебряной монеты, которую обменивали по известному паритету. За основу был принят петербургский биржевой курс — в 1797 г. он в среднем составлял 75,5 “серебряных” копеек за бумажный рубль [16].

Обмен монеты на ассигнации начался в Петербурге с 1 января 1798 г., а в Москве — с 1 мая этого же года. Для этой цели предполагалось отчеканить золотой и серебряной монеты на 2,4 млн. руб. Поскольку собственной добычи драгоценных металлов не доставало, для их покупки при Ассигнационном банке была учреждена особая “Кантора о покупке металлов”, занимавшаяся, в частности, закупкой голландских червонцев для их последующей перечеканки.

За неделю до начала размена в крупнейших столичных газетах помещались соответствующие объявления. Курсы размена “писались” на специальной доске, а количество “отпускаемой” в одни руки монеты было строго ограничено: не более 10 руб. золотом и 40 руб. серебром [6. Л. 487 об.]. Медные деньги по-прежнему меняли без ограничений. Грандиозной операцией руководил сам А.Б. Куракин, который отчитывался за нее лично перед Павлом I. Монету меняли в разменных палатах Ассигнационного банка и его московского отделения ежедневно, кроме воскресенья.

Возможность обменять “бумагу” на “золото” стала чрезвычайно привлекательной. По выражению одного из современников тех лет, ассигнаций предъяснялось “на великие суммы” [18]. За них выдавали золотые пятирублевки, серебряные рубли, полтины, полуполтинники и гривенники, которые либо оседали в сбережениях, либо “пускались” в спекулятивный оборот. Как правило, установленный в разменных палатах лаж не превышал 30 копеек и к концу 1797 г. был ниже биржевого. О спекуляциях стало известно А.Б. Куракину, который предложил повысить лаж до 40 копеек. Павел I указом от 21 июля 1798 г. [6. Л. 568—568 об.] утвердил новый курс, но и это не спасло положения. Генерал-прокурор 12 октября 1798 г. представил императору доклад, в котором, в частности, писал: “Государственный Ассигнационный банк ... выпускал сперва по 10 тысяч рублей, а теперь выдает по 8 тысяч рублей ежедневно золотой и серебряной монетой ... Но опыт 10-месячный удостоверяет, что сей мелочный промен никакого влияния не имеет ..., а приходит единственно в корыстные руки мелких торгашей. И потому, находя издержку бесплодной, а для казны довольно важной, ибо по самому уменьшенному расчету промен ежедневный составляет в год 2 400 000 рублей золотой и серебряной монетой, осмеливаюсь донести, что было бы гораздо полезнее остановить мелочный повседневный промен, а удерживать оную в банке” [6. Л. 579].

С середины октября 1798 г. обмен был остановлен, а жизнь в Ассигнационном банке вернулась в прежнее русло.

Помимо попытки закрепить курс ассигнаций правительство Павла I прилагало усилия к завершению преобразований в Ассигнационном банке, начатых еще в 1786 г. При нем 18 сентября 1797 г. была учреждена экспедиция по хозяйственным оборотам, просуществовавшая до 1 июля 1804 г. Ее цель заключалась в наведении порядка в бухгалтерии банка, или, как тогда говорили, в “установлении канцеляр-

ского порядка” (прежде всего это коснулось составления и ведения бухгалтерских и главных книг Страховой и Экстной, или учетной, контор). Заведование этой экспедицией возложили на правителя Канцелярии правления банка Е.Г. Рогожина, который справился с новыми обязанностями “с совершенным успехом и пользой на службу” [19].

В конце XVIII в. были также реанимированы положения устава Ассигнационного банка от 1786 г. о создании банковского монетного двора и учетных контор. Павел I подписал указ о создании этого двора 2 декабря 1796 г., и его предполагалось оборудовать в кладовых здания банка [6. Л. 451, 463]. Известно, что в 1796 г. некоторые российские монеты уже помечались знаком “БМ” — банковская монета. Штемпеля для них изготавливали на Петербургском монетном дворе. Но в 1796 г. монетный двор в здании Ассигнационного банка еще не был оборудован. Считается, что он начал действовать только с 1799 г. Такого мнения придерживались известные историки денежного обращения России А.И. Юхт и В.В. Узденников [5. С. 226; 20]. В делах по Ассигнационному банку сохранился доклад управляющего монетным двором А.Н. Оленина о перерасходе сумм на заведение двора, датированный августом 1799 г. По его подсчетам, он составил сумму более 23 тыс. руб. [6. Л. 588 об.]. Однако сохранился доклад Павлу I генерал-прокурора А.Б. Куракина, датированный концом 1797 г., в котором говорится, что монетный двор к этому времени был уже “устроен” [6. Л. 506 об.]. На семи станках чеканили золотую и серебряную монеты для размена на ассигнации [6. Л. 463]. Причины данного расхождения в дате завершения работ банковского монетного двора не выяснены, но не исключено, что доклад царю о перерасходе сумм был подан после завершения всех работ, когда двор уже работал. Но очень скоро от его использования как самостоятельного места чеканки отказались — применяли как временный двор в период реконструкции такового в Петропавловской крепости. Показательно, что выпускаемые монеты двор Ассигнационного банка, существовавший до 1805 г., метил штемпелями Петербургского монетного двора (СМ, СП, СПБ) [21].

Что касается Экстной конторы, положения устава 1786 г. о ее создании оставались на бумаге в течение десяти лет. В условиях острой нехватки государственных кредитных учреждений для кредитования купечества правительство 18 декабря 1797 г. “к вспомоществованию ремесел и торговли преимущественно российским купцам, заводчикам и фабрикантам, имеющим в деньгах нужды на срочное время для полезных их оборотов” учредило учетные конторы при Ассигнационном банке, издав для них особый устав. Одновременно при этом же банке заработала и Страховая контора, где страховалось заложенное в банк имущество на случай пожара или кражи. Правда, итоги ее деятельности по сравнению с учетными конторами были очень скромными: за два года существования в качестве комиссии с застрахованных товаров она получила только 1219 руб. [6. Л. 597] (для сравнения: Учетная контора по векселям с 1798 г. по 1800 г. заработала комиссионных 883,5 тыс. руб., а Учетная контора по товарам — 31,6 тыс. руб.). Это говорит о том, что купцы мало прибегали к ее услугам, — в России того времени страховать имущество было не принято.

Инициатором создания учетной и страховой контор выступил А.Б. Куракин, являвшийся в это время управляющим Ассигнационным банком. Впрочем, идея о создании таких контор прозвучала еще в проекте генерал-майора С.Ф. Стрекалова⁴, представленном Екатерине II в 1770-е гг. С.Ф. Стрекалов предлагал использовать “празднолежащий” капитал Ассигнационных банков на выдачу ссуд дворянству и купечеству. Однако давать займы купцам он предлагал только в Петербурге. Со временем “не безнужно при- дать тогда заемной купецкой экспедиции и эсконтирование купецких векселей, что также немалой помощью российским торговцам служить может” [22]. Эта помощь должна была выражаться в уменьшении ростовщического процента.

Не случайно в указе об учреждении контор по векселям и товарам (1797 г.) давалась устаревшая формулировка, восходящая еще к идеям меркантилистов. “Утверждаясь на неоспоримых истинах, что торговля есть источник всеобщего изобилия”, излагались принципы действий учетных контор на векселя, на товары и драгоценные металлы. В новых условиях была реанимирована идея шуваловского кабинета середины XVIII в. о создании государственного банка в виде отдельных банков для дворян и купечества. В 1797 г. одновременно с конторами был учрежден Вспомогательный банк для дворянства.

Учреждение контор, как и в случае с основанием в 1754 г. Коммерческого портового банка, преследовало цель предоставления дешевого кредита российским купцам-экспортерам. Это должно было способствовать поощрению экспорта и активизации внешнеторгового баланса, а следовательно — и укреплению вексельного курса. С прекращением в 1770 г. деятельности Коммерческого портового банка в Петербурге в России не действовало ни одного крупного государственного органа, кредитовавшего торговлю, за исключением Астраханского коммерческого банка. Однако деятельность последнего ограничивалась преимущественно кредитованием астраханских купцов.

Первоначально была учреждена лишь учетная контора в Петербурге, которая начала свои операции 1 марта 1798 г.⁵ В дальнейшем такие конторы учитывали векселя, выдавали ссуды под залог товаров отечественного производства, а также золота и серебра. “Кредит каждого купца... — лучшая его подпора и цель”, — декларировал устав контор. Новшеством стала организация учетной операции. Эпизодически она осуществлялась в казенных банках еще до учреждения контор. Ее небольшие объемы диктовались рискованностью операции, и даже в Европе ей не отдавали безусловного предпочтения.

Векселя учитывались в конторах из 0,5 % в месяц до 9 месяцев при уплате комиссии в один рубль с каждой тысячи валюты векселя. Они представлялись не самими купцами, а для надежности — биржевыми маклерами, дававшими специальную присягу (такой порядок впоследствии перенесли в Коммерческий банк). На них налагалась ответственность представ-

лять к учету только “хорошие” векселя и лишь российских подданных. Сведения о купцах давали специально избранные “члены от купечества”, которые состояли консультантами при начальстве учетных контор.

В случае допущения векселей до протеста арестовывалась собственность участников вексельной сделки. Для погашения долга сделка продавалась с публичного торга.

При выдаче подтоварных ссуд российским купцам четко оговаривались номенклатура принимаемых в залог отечественных товаров, которые должны были обязательно страховать, срок кредита и максимальный размер ссуды.

Список залогов состоял из 24 товаров, относительно “ликвидных” (так как многие из них были товарами российского экспорта) и подверженных малой порче. В основном это были полуфабрикаты (железо, пенька, лен, кожа, медь, воск, масло, сало и др.). Залог должен был обязательно страховать в Страховой конторе при Ассигнационном банке, выдававшей особые свидетельства — билеты. Размер кредита определялся суммой оценки товаров и их видом. Во многом он зависел от записок, подаваемых в контору по данному вопросу двумя маклерами, которые состояли в штате Учетной конторы и являлись законными посредниками при заключении сделок: представляли к учету векселя, прикладывали к амбарам залогов печати, “свидетельствовали” товар.

Ссуда выдавалась на срок от 2 до 6 месяцев в зависимости от товара. Наименьший срок имели кредиты под поташ, наибольшие — под железо, медь, сукно, парусину. Сумма кредита составляла от 40% (под поташ) до 75% (под железо) оценки залога.

Кредит под золото и серебро выдавался на 6 месяцев после отсылки залога “для получения пробы” на монетный двор. Поскольку такая форма кредита считалась в то время “надежной”, по ней устанавливались льготные условия погашения. В частности, допускалась пролонгация на полгода — фактически открытие нового кредита, так как во время пролонгации продолжали начисляться такие же проценты, как и по сроку ссуды (из расчета 5% годовых). При выдаче кредита контора выдавала расписки о приеме залога, которые могли обращаться по передаточным надписям, приобретая характер ценных бумаг.

При учреждении Учетной конторы ей был выделен капитал в 7,8 млн. руб., который к 1810 г. увеличился вдвое, составив 16 млн. руб. [23. Л. 75 об.]. Причина этого — в расширении операций данных учреждений и открытии новых контор в крупных торговых центрах страны. В 1806 г. учетные конторы были открыты в Москве и крупных портовых городах — Астрахани, Одессе, Таганроге и Феодосии. Из ведомости должникам Учетной конторы Московского отделения Ассигнационного банка видно, что суммы купцами занимались разные — от 4 до 80 тыс. руб., но в среднем — около 10 тыс. руб. В залог давались в основном кожа, парусное полотно и железо [24. С. 36—41]. Дея-

⁴ Стрекалов С.Ф. — статс-секретарь императрицы Екатерины II, управляющий Кабинетом Ее Императорского Величества в 1768—1789 гг. В 1787—1789 гг. — член Совета при императрице по решению наиболее важных государственных вопросов.

⁵ Ее первым директором был А.Н. Оленин (1763—1843), который впоследствии стал членом Государственного совета и президентом Академии художеств.

тельность Учетной конторы в Москве распространялась на значительную часть европейской России.

Главной и самой болезненной проблемой оставался возврат ссуд, которая заметно осложнилась с разграблением в 1812 г. складов московских купцов (многие из них оказались на грани банкротства). Когда русская армия вошла в Москву, была проведена ревизия оставшейся в городе части имущества Ассигнационного банка. Оказалось, что из 1,6 млн. руб. залогов 1,4 млн. значились расхищенными или сгоревшими. То немногое, что нашли, продавали с аукциона, чтобы восполнить колоссальный убыток учетной конторы в Москве. Однако большая часть залогов исчезла бесследно. Купцы-заемщики ссылались на свою несостоятельность и просили льгот по долгам. В силу создавшегося безнадежного положения по представлению министра финансов Д.А. Гурьева в 1816 г. Государственный совет принял решение о списании сумм сгоревших и пропавших залогов, о чем вскоре последовало высочайшее повеление [24. С. 151—152; 25].

К 1817 г. в России продолжало работать 6 учетных контор (в Петербурге, Москве, Одессе, Феодосии, Таганроге и Архангельске), общий капитал которых оставался на уровне 1810 г., составляя 16 млн. руб. Эта сумма была распределена крайне неравномерно. В Москве, в центре внутренней торговли, находилось чуть более 1 млн. руб., или около 7%, а в четырех провинциальных конторах, вместе взятых, — 1,6 млн. руб. Основная часть капитала оставалась в Петербурге — 13,3 млн. руб., или 83%. Причем, как писал министр финансов Д.А. Гурьев в 1817 г. М.М. Сперанскому, даже при таком положении столичные конторы “не могут доставлять значительное вспомоществование купечеству” [23. Л. 76 об., 78 об.]. Оборот капитала в них осуществлялся медленно, а его величина была явно недостаточной.

В провинциальных конторах (главным образом в Феодосийской, Одесской и Таганрогской), писал Д.А. Гурьев: “деньги захватываются в несколько рук, и теми, коими первым удалось занять оные, пускаются в обращение с сугубой лихвой” [23. Л. 77]. К 1817 г. просроченных долгов по этим конторам считалось до 130 тыс. руб., не говоря уже об убытках по Московской конторе.

Высшее российское чиновничество причиной невозврата ссуд считало субъективную, связанную со злоупотреблениями отдельных лиц. Поэтому существовало мнение, что в случае реорганизации кредитного учреждения, подбора честных чиновников и порядочных клиентов-купцов повторения злостных нарушений возможно избежать. В результате было принято решение создать новый банк для кредитования торговли и купечества, устав которого был составлен с учетом статуты европейских банков. Учетные конторы в 1818 г. были “слиты” с созданным в ходе преобразований казенных кредитных установлений Коммерческим банком. Ассигнационный банк хотя и управлялся по прежнему уставу (1786 г.), но фактически стал лишь распространителем ассигнаций, и такая вялотекущая ситуация сохранялась вплоть до его ликвидации в начале 1848 г.

Реформа 1786 г. так и не смогла преобразовать Ассигнационный банк в “универсальный” по типу Банка Англии в силу разных причин — от нехватки в стране денежных ресурсов до борьбы фаворитов. Сама реформа 1786 г. намного опередила время: европейский образец пытались переложить на русскую почву с ее совершенно другими условиями, развитием торговли и товарно-денежных отношений.

Источники:

1. Морозан В.В. *Банковое дело и кредит в конце XVIII в. // Петербург. История банков / Б.В. Ананьич и др. СПб., 2001.*
2. Сперанский М.М. *Руководство к познанию законов. СПб., 2002.*
3. *Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование Екатерины II. Часть 2. СПб., 1869.*
4. Чечулин Н.Д. *Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.*
5. Юхт А.И. *Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.*
6. ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58.
7. ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 47.
8. РГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Д. 4508.
9. ПСЗ. *Собрание первое. Т. 22. С. 624.*
10. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 428.
11. Владимиров К. *Банк Англии. М., 1959. С. 15.*
12. Серков А.И. *Русское мазонство: 1731—2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.*
13. *Архив Государственного Совета. Т. 1. Часть 1. СПб., 1869.*
14. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 353а.
15. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 2. Л. 222, 223.
16. Storch H. *Supplementband zum V, VI und VII Theil des historisch-statistisches Gemaeldes des Russischen Reiches. Leipzig, 1803. S. 9.*
17. Храповицкий А.П. *Памятные записки. М., 1990.*
18. Вирст Ф.Г. *Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи. СПб., 1807. С. 242.*
19. ЦИАМ. Ф. 620. Оп. 2. Д. 243. Л. 15 об. —16.
20. Узденников В.В. *Объем чеканки российских монет: 1700—1917 гг. М., 1995. С. 133—135.*
21. Узденников В.В. *Монеты России: 1700—1917 гг. М., 1992. С. 616.; Объем чеканки российских монет: 1700—1917 гг. М., 1995. С. 133—135.*
22. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 416. Л. 3.
23. РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 9.
24. *Государственный банк: к столетию Отечественной войны. СПб., 1912. С. 36—41.*
25. *Отчет государственных кредитных установлений за 1817 г. СПб., 1818. С. 36.*